

Ю.В. Кобенко
*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

Язык будущего и трансгуманизм

В статье обсуждаются вопросы происхождения языка в контексте решения популяцией *homo* трансгуманистических задач, критически осмысливается постструктуралистский подход к описанию языковой эволюции, даётся лингвоантропологический анализ глоттогенеза, прогнозируется будущее языка.

Ключевые слова: трансгуманизм; происхождение языка; язык будущего; среда; эволюция.

Загадка происхождения языка и его эволюции в искусственной среде обитания *homo* породила стойкие антинаучные мифы об «антропоцентризме» языкового бытия и его системно-функциональных составляющих. Протагорейский просчёт относительно роли человека в этом мире как «меры всех вещей» нашёл восторженное продолжение в средневековой европейской философии, по недомумию поставившей в центр Вселенной витрувианского человека да Винчи с вертикально и горизонтально равными пропорциями, и продолжает победоносное шествие в трактатах многочисленных адептов постструктурализма, провозгласивших «антропоцентризм» едва ли не главенствующей парадигмой научного знания. За истовое поклонение идолу языкового «человекообразия», имеющее стойкий привкус религиозной доктрины, российской науке о языке пришлось заплатить невероятно дорогую цену: за 30 лет оголтелого расшатывания монолита системно-структурного сосюррианского языкознания постсоветское лингвистическое сообщество породило лишь конъюнктурные термины-однодневки – «концепты», «дискурсы», «языковое сознание» и пр. При этом не будет преувеличением отметить, что действительный прирост научной новизны в извечных вопросах языкового бытия в указанном периоде был обеспечен исключительно за счёт исследований в областях антропологии, этологии и нейрофизиологии, т.е. смежных наук. Невероятный же по размаху «задел» постструктуралистского периода оказывается на поверку лишь густым туманом бесконечных гуманитарных воззрений на природу языка внутри искусственной среды обитания *homo*, начисто лишённых причинно-следственных связей и «законсервированных» самой же средой.

Однако основной проблемой «антропоцентризма» выступает даже не навязчивое «очеловекоображивание» всех составляющих гердеровского заповедника особей *homo*, как симптом чрезвычайно бедного

научного кругозора и/или закономерной профнепригодности плодови-
тых теоретиков, декорированных всевозможными корочками, а воспри-
ятие человека средового (*homo ludens*) не как объекта, а как *субъекта*
эволюции, полностью выведенного за её лабораторные рамки. Откуда
взялся такой «богочеловек» (не *homo deus* Ю.Н. Харари) в искусственно
адаптированной среде – втором мире И.Г. Гердера, постструктурализм
не объясняет, как, впрочем, и многое из того, что по умолчанию закреп-
лено за парадигмой эволюционизма и поэтому считается вотчиной дис-
циплин естественнонаучного, а не гуманитарного цикла, тем самым
освобождая постструктуралистов от всякой ответственности за разуда-
лые лингвистические «открытия».

Тем временем линия судьбы языка, ревностно приписываемого ими
гению человека, размашисто рисует самоочевидную траекторию преоб-
разования тщательно отобранных языковых символов в полужаки (эмо-
тиконы) и даже (анимированные) пиктограммы (мемы). Сам же человек
стремительно превращается в завязанного *homo digitalis* и даже *techno sa-
piens*, недвусмысленно намекая гуманитариям, что «антропос» – не про-
сто промежуточная форма, а вообще даже не обозначение вида. Разница
между *homo* и «антропос» такая же, как между обычной мышью и Мик-
ки-Маусом: *homo* – биологический вид, потомок гоминидов с признака-
ми хордовых и плацентарных млекопитающих, а «антропос» – изобре-
тение искусственного отбора с целью снижения внутривидовой агрес-
сии (Микки-Маус – анимированная, «антропоморфная», внутрисредовая
рефлексия обыкновенной *Mus musculus* (мышь домовая) с витрувиан-
скими пропорциями, культурной принадлежностью и обязательным
признаком *loquens*). Строго говоря, «антропос» – совсем не термин
науки, а некое изобретение культистов-заговорщиков (по образу и по-
добию), поставленное в гердеровской среде во главу угла для социаль-
но-культурной дрессировки населяющих её особей. Язык является их
обязательным атрибутом, делающим это соответствие возможным или
зачастую единственно возможным, ведь в сказках даже звери говорят
(Кот в сапогах и Винни-Пух). Итак, куда же движется язык? Каково его
будущее? Утратит ли человек в перспективе признак *loquens* по форму-
ле «молчание – золото» или же перефункционализируют центры *Broca* и
Wernicke, отвечавшие ранее за миграцию, а ныне – за распознавание и по-
рождение речи, во что-то новое, доселе неизвестное?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться в овеванное ту-
маном прошлое. Гоминиды так называемого «райского периода» (веро-
ятно, верхнего плиоцена) не испытывали проблем со спариванием, по-
иском пищи и доминированием в стаде – тремя важнейшими задачами
всего живого на планете Земля. Очевидно, поэтому в беззаботном неве-

дении с 13-метровой высоты сорвалась наша знаменитая прародительница Люси, чьи хорошо сохранившиеся останки с биометрией (27–105–400 : вес – рост – объём мозга) были найдены Д.К. Джохансоном спустя целых 3,2 млн лет в долине реки Аваш в Эфиопии. 400 граммов серого вещества были недостаточны для порождения связной речи типичным представителем рода *homo*, о чём, наверняка, совершенно не догадываются современники-постструктуралисты. Изменения климата и вынужденные миграции (а по другой теории – выход в опасную и кишашую зубастыми хищниками африканскую саванну) побудили гоминидов-архантропов искать спасение в тесном социальном сплочении, которое с большим удовольствием уничтожается современными банкирами-капиталистами. Только при тесном и слаженном внутривидовом взаимодействии и, позднее, строгом распределении социальных ролей («женщина – дом, мужчина – охота») обитателям плиоценового рая удалось преобразовать первичные инстинктивно-гормональные посвисты-покрики, собранные в начале XIX в. французом К.-Ш. Пьеркеном де Жамблу в джунглях Амазонки, в грамматику 1 типа (G1) по Д. Эверетту [3, с. 390]. По мере ритуализации коммуникативного (*communis* – общий) взаимодействия знаки-покрики становились тем «цементом» выживальщиков, который трансформировался в первую виртуальную среду *homo* – язык.

На ранних этапах язык архантропов ничем не отличался от коммуникативного репертуара животных, и особи *homo*, имевшие благодаря деликатесам райского периода весьма нежные зубы (о чём может красноречиво рассказать череп, например, ардипитека), не приспособленные для выживания в саванне, а только для регулярного посещения стоматолога, без труда могли осваивать позиционно дифференцированные фонемы, складывающиеся в агглютинативную грамматику второго типа (G2): *trink+bar*, *Ge+sang*. Следует подчеркнуть, что в тяжёлых условиях выживания и миграционных перемещений язык гоминидов решал две основные задачи: преодоление расстояния для оповещения об опасности (*посредством звука* – первой материальной ипостаси языка, роднящей язык людей и животных) и преодоление времени для сохранения памяти о роде (*посредством письма* – второй материальной ипостаси языка). Обе задачи – сугубо трансгуманистические, т.е. позволяют в определённой степени преодолевать негативные аспекты бытия (смерть, болезни, травмы и пр.; А.С. Пушкин давно застрелен на дуэли, но его язык живёт благодаря письму), однако приписывать эти функции исключительно «антропоцентризму», от которого архантропы были далеки приблизительно на 2,5–2,8 млн лет (нижний плейстоцен), – не научно. Создание письменности и её параллельной ветви криптографии ста-

ло возможным благодаря образовавшемуся у особей *homo* (разумеется, не у всех и не сразу) референтному мышлению приблизительно 40 000 лет тому назад. Толчком, безусловно, стали массовые миграции и память об оставленных или погибших собратьях, позволившая выжившим путешественникам начать говорить не только о том, что было здесь и сейчас, но и том, чего рядом уже или ещё не было.

К появившемуся в райском периоде префронтальному неокортексу, выполняющему роль своеобразных тормозных колодок для сдерживания агрессии в отношении соплеменников (с целью беспрепятственной делёжки пищи, а позже и обмена скрепляющими популяцию изнутри подарками в так называемом «круге Кула» – аналог современного Нового года), добавляются центры *Broca* и *Wernicke*, чрезвычайно активные во время миграций, и эволюция получает прямоходящую обезьяну (*homo erectus*), стоявшую, по убеждению Д. Эверетта, 60 000 поколений назад у истоков человеческого языка [3, с. 21]. Таким образом, язык, который *homo* принёс с собой из животного мира, эволюционировал вместе с ним, сохраняя накопленный полезный опыт внутривидового взаимодействия и оберегая человека от злокозненной энтропии естественного отбора. Поэтому любые софистско-идеалистические инсинуации о «первичности или вторичности языка» не выдерживают критики, ибо язык в той или иной форме есть и у животных; он есть везде, где существуют популяции живых организмов, только в различных и порой неожиданных формах. К примеру, фонологический репертуар дельфинов, общающихся через звуковые «иероглифы», составляет 800 звуков, в то время как у человека – всего 90 с небольшим. Словарный и звуковой состав языка укрупнялся у *homo* сообразно с расширением зон миграций и, следовательно, увеличением объёма мозга. Ещё недавно средневидовой показатель колебался в районе 1 360 граммов, однако последние 300 лет объём драматически падает, а с ним и уровень владения речью (языковая депривация). Решение трансгуманистических задач позволило человечеству устранить основных врагов, подчинить своим нуждам планету и увеличить продолжительность собственной жизни с плиоценового максимума в 35 до 85 лет (почти в три раза) в антропоцене. Расплатой за это колоссальное достижение трансгуманизма стала катастрофическая потеря серого вещества вследствие коллективного созидания удобств и дальнейшего распределения социально-производственных ролей, обозначаемых профессиями.

Современный мозг среднестатистического *homo*, предпочитающего тяжёлой умственной работе сладкое офисное слабоумие постиндустриального достатка или даже переизбытка, откестился на пике хроношовинизма и мещанского индивидуализма от необходимости быть частью

общественного целого, принялся зарабатывать на самом обществе и больше не нуждается в спасительной «цементирующей» функции языка (посвистов-покриков вполне достаточно). Влюблённые давно молчат, уткнувшись носами каждый в свой телефон, а тихие семейные вечера больше напоминают досуг в интернет-кафе, где всякий – «юзер», «блог(г)ер» и «самобытное средство массовой информации». Язык молчания сменяет язык звучания или, по крайней мере, допускает акты говорения лишь при крайней необходимости. По-видимому, сохранение комфортного безмолвия намного перевешивает охоту поболтать или потешить собеседника. «Безмозглый» мир выбрал Интернет, а Интернет выбрал «безмозглый» мир, став второй виртуальной средой после языка в истории прямоходящих обезьян и третьим искусственным миром И.Г. Гердера. Если капитализм (особенно постперестроечного образца) разбил узы, скреплявшие каждого с каждым, превратив социальное взаимодействие *homo* в комедию Плавта (*homo homini lupus est*), то Интернет довёл ситуацию *ad absurdum*, виртуально соединив отдельного пользователя со всем миром и тем самым показав человеку, насколько тот одинок в двухразрядном океане битов (буквально: 1, 0). Псевдореальность не предложила человеку новых материальных ипостасей языка, зато слила обе предыдущие в одну гибридную: медийную с картинками, образами, видео, значками, ошибками и пр. в одном бесконечном цифровом потоке.

Ранее человек загружал в голову словари и книги, чтобы выглядеть истинным *homo litteratus*, а сегодня нормой считается ношение знаний, – а с ними и языка, – за пределами черепной коробки: в айфоне (в сверхнатуральную величину) или вообще в Интернете (в облачном хранилище, куда буквально «переселяются души юзеров»). Настойчивое решение трансгуманистических задач по комфортизации существования *homo* обнаружило, что язык является лишь средством перехода на очередной уровень комфорта, что доказывает повальное изучение базового английского (850 слов) в России как языка вертикали (*vertical medium*), обеспечивающего социальный «рост», а с ним и решение трёх важнейших задач всего живого на планете Земля: размножения, поиска пищи и увеличения доминантности в социуме. Растущие подобно грибам местные варианты английского языка (локанглизация) успешно выдавливают, как правило, более притязательные национальные языки и превращают популяцию *homo* в усреднённо-однообразную массу одинаково мыслящих, одинаково говорящих (англофонов) и одинаково живущих пользователей цивилизационными преимуществами, не согласных выходить за рамки удобного существования гладких червей. Даже гладиаторы ММА, калечащие друг друга за деньги, учат английский язык (ра-

зумеется, полностью осознавая его надобность для подобных процедур). Словарный состав И.В. фон Гёте в 90 000 слов всё больше походит на исторический вымысел. Если для выпускников советских школ считалось зазорным иметь словарный запас ниже 25 000 слов (что можно легко определить по объёму словаря для школьника), то сегодня данное множество воспринимается скорее как вызов вечно расслабленному и поэтому усыхающему мозгу *homo digitalis*.

Ergo, язык в его классическом понимании (грамматика третьего типа (G3) с рекурсией: «Дом, который построил Джек...») активно переходит в новую историческую формацию гибридных медийных (виртуальных) и унифицированных форм (*lol, thx, lmk*) благодаря переносу большинства речевых практик в каналы электронной коммуникации (*WhatsApp, Facebook, Instagram* и пр.). Речевой репертуар современников характеризуется тенденцией к предельной рецессии синтаксической длины высказываний до формата эллипсов короче конструкции SOV/SVO (грамматика второго типа – G2). Возврат к G1 и даже более примитивным покрикам-посвистам многими особями *homo* уже благополучно совершён, о чём свидетельствует, к примеру, спонтанное коммуникативное взаимодействие многочисленных автовладельцев в стандартных ситуациях «общения» на дорогах. Если бы антропоцентристы повстречались с австралопитеком Люси, принадлежавшей к гомининам, то, наверняка, тут же отреклись бы от всяческого «человекообразия» в науке о языке; при этом Люси весьма сложно заподозрить в хроно- или токсичном видовом шовинизме («человек – царь природы»), поскольку ей приходилось решать задачи выживания в естественной среде обитания с полным осознанием себя её частью, а не центром, в отличие от постструктуралистов, пользующихся всеми социальными завоеваниями предков и только на этом основании водрузивших промежуточную версию *homo* на пьедестал «венца творения». Молчание как поведенческий паттерн внутри гердеровского мира [1, с. 388], вставшего на рельсы медиатизации, не только указывает звучащей речи на её законное место в эволюции *homo ludens* (человека средового) в смысле К. Тухольского как «самоиндикации жизни» [4, с. 67], но и ставит точку в извечных спорах о «первичности» так называемой коммуникативной функции языка как неверно истолкованной интегративной [2, с. 22–23]. Безусловно, язык – звучащий или молчащий – никогда не был универсальным средством общения человека с миром природы или даже с таким изобретением разнузданного антропоцентризма, как «богом»; человеческий язык всегда ограничен самой средой обитания *homo* и полностью обесмыслен за её пределами. Внутри этого гердеровского мира, скачкообразно сменяющего инструменты собственной виртуализации (от

языка до Интернета), язык неотделим от социума и образует с ним как феномен коэволюции достаточно тесную спайку. Успешно решив все насущные трансгуманистические задачи эгоистичной популяции *homo*, язык стремительно теряет статус средства выживания и становится средством вынужденного взаимодействия. Собственно, это и есть главная причина того, почему однажды он может полностью смолкнуть и перейти в новую гибридную форму существования.

Литература

1. Бахтин М.М. Из записей 1970–71 годов // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.
3. Эверетт Д. Как начинался язык: История величайшего изобретения; пер с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 424 с.
4. Tucholsky K. Sprache ist eine Waffe. Sprachglossen. Reinbek: Rowohlt, 1989. 192 S.

Н.А. Кобзева¹, А.Г. Михайлова²

¹Национальный исследовательский

Томский политехнический университет

²Севастопольский государственный университет,

*Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище
имени П.С. Нахимова*

Структурно-семантические особенности неологизмов в современном английском языке (на материале военных текстов)

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения новых слов как средства отражения изменений, происходящих в лингвокультуре под влиянием военно-политических факторов. Рассмотрены структурно-семантические особенности неологизмов в современном английском языке, определяемые способами образования новых слов.

Ключевые слова: неологизмы; военный перевод; структурно-семантические особенности, лингвокультура, корпусный подход; терминосистема.

Отличительной чертой военного текста является его высокая терминологичность, причем сложность работы с терминами заключается в том, что, будучи, однозначным в одной прикладной области, тот же